

5

ТУРИСТ

«ТУРИСТ» — название нового журнала, первый номер которого выйдет в январе. Сокращенная глава из книги Б. Чиркова — один из материалов этого номера.

С творчеством Бориса Чиркова-писателя мы еще не знакомы. Борис Петрович много путешествовал по стране в поезде, автомобиле, на плоту, пешком, всюду его сопровождали песни, потому что они тоже путешественники. О своих встречах с народными песнями, о родной земле и рассказывает Б. Чирков в книге, работа над которой еще продолжается.

КРАЙ МОЙ ВЯТСКИЙ

Борис ЧИРКОВ, народный артист СССР

ТОМУ, КТО НЕ БЫВАЛ в наших местах, странными, верно, покажутся названия — Чертаки, Чашино, Рябиновщина. А если еще произнеси их так, как говорят в Вятских краях, — Чашино, Рябиновщина, — то, пожалуй, не один слушатель улыбнется иронически и, если не скажет, так подумает: «И говор какой-то не русский, и слова чудные...» А мне мила эта протяжная, окаяющая речь, и кажется она мне музыкальной и полной особого значения. Оттого ведь Чашино, что когда-то на месте этой деревни был не то густой лес, не то непролазные заросли кустарника. Ну, а Рябиновщина уж, конечно, прозвана так из-за того, что у каждого дома в ней посажены деревья рябины. И в октябре среди буро-желтых, пожухлых полей лежит деревня, красная от ягод, как мучавший платок, что позабыла на живые усталая жница.

Дальние наши края, суровые, а красивые и просторные. Есть еще и такие, что и вовсе не тронуты людьми.

В наших краях ни фабрики не дымил, ни паровозы не громыхали, и жили наши вятчи больше по старым правилам, и дольше хранились у них обычаи и приметы давних лет. Свадьбы ли — праздники справлялись так, как при прадедах и прабабках наших. Гулянья ли — хороводы водились под те песни, что пели еще молодыми самые древние теперь наши старики и старухи. А песен у них много, и среди них есть такие, какие мне нигде больше слышать не доводилось.

Но не думайте, что земляки мои народ отсталый, вялый, тиходумы. Вот уж нет так нет! Люди они смекалистые, живые, хитроватые, с юморком. И работники старательные, и умельцы ловкие. Лен они добрый выращивали. И поделками из дерева известные были. Игрушки яркие, дымковские, по всему свету разбирают как украшения. А грибки и ягодники они просто лихие!

И в то же время сами про себя на выдумывали целую кучу поговорок насмешливых. Да ведь шутят над собой только тот, в ком сила есть, в ком и ума и таланта достаточно. Вот они и посмеиваются: «Вятский слепень наехал на пень да и кричит — сворачивай!», «Вятский народ хвачский — семеро одного не бояче!».

А про котельничан своих целую байку сочинили. Будто те в половодье собрались на берегу Вятки. Увидели, что вода большущую корягу тащит, встали на колени и давай молиться: «Матушка кокоря! Спаси нашу Котельничу! Отвори на Кордакову мельничу!...»

Никак не наведу я рассказ свой на нужную мне тропку, все в сторону сбиваюсь, а задумано-то у меня другое.

Так вот — прямо к делу. Была нас чертова дюжина, тринадцать вятских парней, только что окончивших школу. И радость каждого брала, что стали наконец взрослыми, свободными, и раздумье одолевало, как жизнью своей

дальше распорядиться. Сидели мы в просторной горнице с намытым добела некрашеным полом в доме у Серёги Кадесникова, как раз в Рябиновщине. Пили густое, душистое домашнее пиво и в последний раз вспоминали все вместе то, что было, а больше радовались тому, что будет. А потом вышли на улицу. Ночь уже кончалась, но утро еще не пришло. Был промежуточный час. Ветер еще не прилетел с реки. Деревья нахохлились, сонные листья торчали неподвижно. Трава прогнулась от росы. Серое небо светлело и бледнело: летние ночи у нас короткие, заря с заерей почти сходится.

Вывалились мы из дверей шумно, громко, но какая-то тишина стояла кругом, что и наши голоса мало-помалу утихли, и, угомонившись, расселись мы на завалянке Серёгиной избы. И тогда вдруг заметили, что домов через пять от нас, в конце деревни, у мельницы, на бревнах сидела компания девушек. Сидели они смирно, не двигаясь, потом что-то зашебаршились, зашептались. Одна засмеялась, другая ее одернула, третья нарочно громким голосом сказала:

— Ну и что?

Затем разом все поднялись и ушли за угол мельницы. Через минуту появились оттуда и пошли в ряд, посредине улицы, в нашу сторону. Поначалу головы у всех вроде бы как от смущения были опущены, но, не доходя одного дома до нас, девушки выпрямились, озорно глянули в нашу сторону, а средняя, видно, самая боевая, лихо затянула песню, которую тут же громко и залиисто подхватили ее подружки.

Песня не была веселой. Она предупреждала девчат, что в замужестве может им выпасть и тяжелая доля. Она советовала теперь, в девичестве, пользоваться своей свободой, ведь, может, это лучшая пора их жизни... Но девушки пели, не боясь своей будущей судьбы. В их голосах были и задор, и вызов. Видно было, что они и не собираются покоряться той суровой участи, на которую обрекала их песня.

Мы, тринадцать парней, тринадцать будущих женихов, смирно сидели на завалянке, а мимо нас решительно шагали невесты. Они и шугили с нами, и заигрывали, и озорничали. А в то же время и предупреждали нас, что приходит новая пора жизни и новый ее порядок. И здесь, в Вятских лесах, где казались так крепки, так постоянны старые обычаи, и здесь меняется уклад жизни, и здесь пойдет она новыми дорогами.

Девушки прошли наш дом и завернули за рябиновую рощицу, что окружала крошечный прудик тут же около дороги. Голоса их умолкли, и снова тишина вернулась в деревню. Такие же молчаливые черные окна глядели в небо. И небо было такое же серое, только на восходе вроде бы появился на нем нежно-розовый оттенок...

Песню эту я больше ни разу не слышал, а уж потом как-то научили меня ей Серёга и Ваня Тарараев.

157